Вячеславу Умановскому
с благодарностью за долгие годы дружбы

— Чья это свинья?! Граждане! Господа! Товарищи! Чья свинья?! Кто ее привел?

— ...Где, где свинья?

— Батюшки светы, и правда!

— Уберите свинью от прилавка!

Знаменитая писательница Марина Покровская — в миру Мария Алексеевна Поливанова — протиснулась поближе, очень заинтересованная свиньей.

Небольшая толпа возле колбасного отдела волновалась, все заглядывали себе под ноги, шарахались и возмущались. Какой-то мальчишка попятился и чуть не упал.

— Кш! Кш!.. Пошла вон!

Полная дама в шляпке ввинтилась в толпу и спросила с жаром:

— Соловья поймали?

— Какого соловья! Свинья забежала!

Маня заподозрила неладное, присела на корточки и заглянула под прилавок.

...Так и есть!

— Волька! Ну-ка вылезай оттуда! Сейчас же!

Небольшая белая свинка хрюкнула, навострила уши, припала на передние ноги, поползла, выбралась на свет и оказалась собакой.

— Господи, — сказал кто-то из зрителей с веселым изумлением.

— Вот уродство!

Маня покраснела и потащила Вольку за поводок.

— Эта порода называется мини-бультерьер, — объяснила она невесть зачем и невесть кому. — Английская собака, в Оксфорде пользуется большой популярностью...

— Женщина, выйдите! — пронзительно приказала продавщица. — Вы что, слепая? На входе русскими буквами написано — с собаками нельзя!

— Мы уходим, уходим!

Маня вытащила слабо упирающегося Вольку на улицу и накинулась на него с упреками.

Волька слушал. Длинная морда, и впрямь немного похожая на свиное рыло, выражала неискреннее раскаяние.

Вскоре Мане надоело ругаться, она затолкала в рюкзак покупки, взгромоздила его на плечи и широко зашагала по Невскому в сторону Мойки.

Мини-бультерьер, английская собака, популярная в Оксфорде, бодро трусил за ней.

...Вообще-то в Питере собакам и их хозяевам было намного вольготней, чем в Москве. Конечно, с ними никуда нельзя, им все запрещено, как и везде, но это официально. А неофициально — питерцы против собак не возражали, а поэтому все можно!..

Просто сегодня Волька на самом деле вел себя как свинья!

Народу на Невском было полно — веселые толпы праздношатающихся туристов. На мосту кричали зазывалы, приглашали кататься на теплоходах и катерах, лоточники торговали пластмассовыми Винни-Пухами, китайскими веерами и морскими картузами, экскурсия, прикрывая глаза ладонями от солнца, смотрела в сторону кафе «Вольф и Беранже».

И жара!..

Маня вздохнула.

Какая красота! Поехать бы сейчас в парк на Елагин остров. Туда тоже с собаками нельзя — с ними никуда нельзя, но можно! — и есть один вход, где никогда не бывает сторожа. Провести Вольку контрабандой, а там — гуляй не хочу!..

Но гулять Маня не могла, хоть и хотела.

Она должна помогать тете Эмилии. За этим и приехала в Питер.

Маня с Волькой свернули на набережную Мойки, где было совсем тесно от людей и машин, и почти не видно речку, сплошь утыканную катерами и лодками, словно брошенный цветной ящик окурками, промаршировали мимо пышечной — решено было худеть, и никаких пышек, только стебель сельдерея, молодой редис и бобовые — и вскоре оказались во дворе старинного трехэтажного дома.

Маня посмотрела на часы.

Десять сорок пять. Ровно в одиннадцать тетя Эмилия начинает прием, а Маня запаздывает с завтраком. Сейчас ей достанется!

— Мария! — воскликнула Эмилия, как только Маня, отдуваясь, распахнула дверь. — Где ты была?! Я уже подумала было, что ты отправилась на пароходе в Гельсингфорс!

— Какой еще Гельсингфорс? — под нос себе пробормотала Маня, скидывая кроссовки. — Мы были на Невском в Елисеевском магазине, тетя. Там очередь.

— Если ты будешь так себя вести, мне придется написать Вике и отправить тебя обратно в Москву!

Викой звали еще одну Манину тетю, которая приходилась сестрой Эмилии.

Маня освободила Вольку от поводка, тот встряхнулся и неторопливой рысцой побежал в сторону кухни. Тетя Эмилия посторонилась.

— Что за ужас эта собака, — сказала она в сотый раз. — Зачем ты ее завела? Кто тебе разрешил?

Эмилия обращалась с Маней так, словно племяннице было двенадцать лет и она вступала в сложный переходный возраст. На самом деле Мане давным-давно исполнилось тридцать пять, она писала романы, которые — вот чудо! — издавали и читали, подрабатывала на радио, давала интервью, состояла в жюри разнообразных конкурсов и фестивалей и считалась главой семьи, состоящей из двух тетушек, Маниного кавалера Алекса Шан-Гирея и самой Мани.

— Я сварю яйцо и сделаю бутерброды, — объявила Маня из кухни. — Иначе не успеем. Я лучше обед пораньше подам.

Эмилия присела на краешек стула с высокой спинкой. В кухне у нее была тяжелая, старинная, очень красивая и страшно неудобная мебель.

— Ты никогда ничего не успеваешь, Мария. Ты очень неорганизованная. Вся в мать. Та была точно такая же.

Маниных родителей давным-давно не было на свете, но упоминаний о них Маня не выносила — ей сразу становилось ужасно жалко себя, сироту, и она начинала сердиться на мать и отца, бросивших ее на произвол судьбы.

Это было несправедливо — они не собирались ее бросать, просто самолет упал, — и Маня еще чувствовала себя виноватой, что сердится и что тогда не летела с ними...

Такой вот клубок. Лучше не думать.

— Тебе яйцо всмятку или в мешочек, тетя?

— Какая разница. Всмятку, конечно. Нет, в мешочек.

— Хорошо.

— Нет, вкрутую! И свежий огурец. И кусочек колбаски. Ты принесла?

— Все принесла, тетя.

— Опять чай! Терпеть не могу! Свари кофе.

— Тебе нельзя, у тебя давление.

— Можно подумать, нельзя найти кофе без кофеина! Давно бы купила!

— Я куплю, тетя.

Эмилия отхлебнула из чашки.

— Едим на кухне, — горько заметила она. — Как прислуга!

Маня покосилась на нее.

— В гостиной у тебя прием. Там никак нельзя...

— У меня сегодня большой прием, — объявила Эмилия с удовольствием. — Почти все постоянные. Я прошу тебя, Мария, все записывай внимательно, ничего не перепутай! И запри, бога ради, эту собаку! В прошлый раз у нее так бурчало в животе, что я не могла сосредоточиться!

— Должно быть, это у меня бурчало, — сказала Маня, наливая чаю и себе. — С голоду.

Эмилия пропустила замечание мимо ушей.

— Что твой Алекс? Как он?

— Прекрасно, — сказала Маня бодро. — Пишет роман.

— Вот он... — Эмилия подняла указательный палец, словно указывая на потолок. Маня послушно посмотрела. Потолок был очень высокий и немного закопченный.

— Вот Алекс, — повторила тетя Эмилия, чтоб стало ясно, что речь она ведет не о потолке, — на самом деле писатель, Мария. Его «Запах вечности» можно перечитывать бесконечно! А чем ты занимаешься — непонятно.

— Я пишу детективы, — сообщила Маня. — Алекс пишет большую прозу, а я детективы. Их тоже многие читают и перечитывают!

Эмилия пожала плечами.

— Ты живешь рядом с Алексом Шан-Гиреем и *тоже пишешь*. Все равно что Софья Андреевна Толстая взялась бы за сочинительство и они со Львом Николаевичем писали бы наперегонки в соседних комнатах.

Маня засмеялась — представила картинку.

— Доедай и за работу, — распорядилась Эмилия. — Кто у нас первый?

Маня вытерла о джинсы пальцы, распахнула ноутбук, примостившийся на старинном буфете, и посмотрела таблицу.

— Ольга Александровна Ветрова с дочерью.

Эмилия покивала, лицо у нее стало серьезным.

— Сложный случай, — сказала она. — Очень сложный. Давно над ним работаю, но пока... безуспешно.

Маня уже видела эту самую Ольгу Александровну — высокая худая блондинка с тонким, бледным, невыразительным лицом. Она приводила дочь, усаживалась в передней на банкетку и ждала, неподвижная, как сфинкс, охраняющий Неву. Маня выглядывала, чтоб посмотреть на нее: Ольга Александровна не шевелилась, не читала и не копалась в телефоне.

Просто сидела и ждала.

Мать с дочерью явились минута в минуту. Прозвенел звонок, Маня распахнула дверь.

— Здравствуйте, — промолвила Ольга Александровна. — Марфа, поздоровайся.

Девочка пробормотала невнятное.

Маня проводила их в гостиную, где были задернуты шторы, повсюду горели свечи и курились благовония. Эмилия, облаченная в восточные одежды, сидела в широком кресле, второе такое же стояло напротив — для посетителей.

Место секретаря — в данном случае Манино — было далеко, почти в эркере. Если чуть-чуть подвинуть тяжелую ткань шторы, можно увидеть улицу и кусочек неба.

— Проходи, проходи, милая, — приветливо заговорила Эмилия, завидев Марфу. — Вот твои карандаши и альбом, помнишь, мы с тобой в прошлый раз рисовали?..

Мать усадила девочку и вышла. Марфа не обратила на нее никакого внимания.

Маня ждала у двери.

В ее задачу входило принять посетителя, устроить сопровождающего, если таковой имелся, предложить чаю или кофе, затем потихоньку, через кабинет, незаметно вернуться в гостиную, на секретарское место и записывать все, что она видит и слышит, в специальную таблицу.

Ольга Александровна привычно опустилась на банкетку, положила сумку на колени и замерла — приготовилась ждать.

Маня вздохнула.

— Хотите чаю? Или кофе? Есть минеральная вода и лед! Будете?

— Нет, спасибо.

— Я могу бутербродов сделать.

— Спасибо, нет.

Маня опять вздохнула, прошла через кабинет и неслышно возникла в гостиной, где шел сеанс.

Сильно пахло благовониями. Подле Марфы горел торшер, на коленях у девочки лежал альбом, она водила карандашом, вроде бы рисовала. Эмилия что-то говорила, очень тихо, не разобрать. Раскрытую ладонь правой руки она держала над курильницей и время от времени касалась ею макушки девочки.

Маня отвела глаза. Ей было невыносимо стыдно.

Тетя Эмилия работала — или как это правильно сказать? Служила, что ли?.. — экстрасенсом очень высокой пробы. Очень большой силы, что ли?..

Тетя обладала провидческим и целительским даром, проводила сеансы, гадала на Идзине, Книге перемен, бросая стебли тысячелистника, а иногда на картах Таро.

К ней обращались не только отчаявшиеся бедолаги вроде Ольги Александровны, но и большие люди, нуждающиеся в советах «по бизнесу», политики, желающие узнать будущее и обратить его в свою пользу,

жены, разыскивающие утраченных мужей, наследники, алкающие припрятанных дедовских сокровищ. Эмилию знал весь Петербург, также к ней ехали из Москвы, из-за Уральских гор, даже из-за океана — последний толстосум как раз прибыл из Нью-Йорка и желал знать, что ждет его бизнес после пандемии. Кажется, он владел покер-клубом.

Эмилия провидела будущее, заглядывала в прошлое и делала предсказания в духе Дельфийского оракула — ничего определенного, истолковать можно как угодно, в любую сторону. По крайней мере, так казалось племяннице.

Дело в том, что Маня Поливанова — известная писательница Марина Покровская — не верила в предсказания, пророчества и гороскопы. Даже Книга перемен вызывала у нее сомнения! Ну, что тут поделаешь!..

Впрочем, в случае с тетей Эмилией Маня рисковала остаться в полном одиночестве — поток посетителей увеличивался чуть ли не с каждый днем, приходилось записывать на полтора месяца вперед, помощница не справлялась! Маню вызвали из Москвы на помощь, когда тетиной секретарше понадобилось вернуться на родину в Винницу, где у нее заболел кто-то из родных. Посторонних привлекать не стали, и Маня была брошена на прорыв. Она как раз только что сдала в издательство роман и собиралась славно отдохнуть. Тети переговорили по телефону, пришли к выводу, что лучший отдых — это смена деятельности, и велели Мане собирать чемодан и отправляться.

Маня была взрослой, умной, самостоятельной, кроме того — популярной писательницей и вообще главой семьи. Но спорить с тетушками себе дороже, да и, честно признаться, Маня нуждалась не просто в отдыхе.

В последнее время она так устала от Алекса, гениального, тонкого, умного, занятого только собой и своими текстами, рассеянного, странного, волшебного, что ей потребовался перерыв. Занятия тети Эмилии

раздражали ее донельзя, и она от души бесилась, выдавая свою усталость и раздражение от жизни с Алексом за неприятие тетиных упражнений.

Так проще, и не нужно вдаваться в собственные проблемы.

Не спросив Алекса, Маня завела мини-бультерьера, по слухам, очень популярного среди оксфордских профессоров и студентов, назвала его Вольдемаром, купила ему голубой ошейник Tiffany за бешеные деньги и дорогущую фарфоровую посуду, на что ни Алекс, ни Вольдемар не обратили никакого внимания.

Алекс, обнаружив в спальне щенка, пожал плечами и спросил, почему он так похож на поросенка.

Волька, обнаружив в спальне Алекса, равнодушно его обнюхал и с тех пор перестал замечать.

Маня поняла, что демарш не удался.

— Между прочим, его нос очень похож на твой, — предприняла она последнюю попытку. — Видишь? Как у настоящего грузина! Или грека! И потом! Это охранная собака! Он будет меня охранять!

— Тебе угрожает опасность? — рассеянно осведомился Алекс, и больше к разговору о бультерьере они не возвращались.

...Маня почти задремала. Эмилия все что-то бормотала, девочка водила рукой с карандашом, благовония курились, в комнате становилось душно. Окно открыть нельзя — аура! Кроме того, в окно могут ворваться неправильные звуки и колебания и спровоцировать выброс ненужной энергии.

— Мария!

Маня вздрогнула и вытаращила глаза.

— Мария, проводи Марфу к матери.

Маня выбралась из-за небольшого секретера — сидеть там с ее ростом было страшно неудобно, некуда девать ноги и бюст, — и взяла Марфу за руку.

Рука была тонкой, холодной и влажной, как лягушачья лапа.

— Ольга Александровна, — заговорила вышедшая следом Эмилия, — сегодня у нас особый день. — На слове «особый» она понизила голос. — День начала перемен.

Ольга Александровна безучастно посмотрела на прорицательницу.

— Да, да, — подтвердила та. — Пусть Марфуша останется у меня до вечера. Мария за ней присмотрит. Она порисует рядом со мной, за ширмой. Мне очень важно не потерять с ней контакт именно сегодня. Приходите к пяти часам.

— Сколько это будет стоить — до вечера? — спросила Ольга Александровна.

Мане показалось, что Эмилия немного смешалась.

— Как обычный сеанс, — быстро сказала она. — Идите и ни о чем не беспокойтесь.

Маня закрыла дверь, вновь взяла девочку за руку и отвела в кабинет. Посреди ковра радостно крутился вокруг своей оси небольшой белый бочонок — Манина собака.

— Ты любишь собак? — спросила Маня.

Марфа кивнула, Маня ничего подобного от нее не ожидала.

— Добрых, — произнесла девочка низким голосом.

— Волька — добрый пес. Он еще совсем щенок, года нет. Видишь, как он нам рад! Крутится!

Но Марфа уже потеряла к нему всякий интерес.

Маня вновь взяла девочку за руку, и они перешли в гостиную, где Эмилия вела прием. В углу, отделенном ширмой от посторонних глаз, располагался небольшой карточный столик с лампой. Маня зажгла лампу, усадила девочку за стол. Из небольшого розового рюкзака — Марфа не расставалась с ним, даже с плеч его не снимала — девочка достала тетрадку с картинкой на обложке и положила рядом.

— Мария! — позвала Эмилия.

— Может, она есть хочет? — зашептала Маня, выскочив в коридор. — Или компоту ей налить? У нас есть вишневый!

— Она должна нарисовать то, о чем я ее попросила. Не приставай к ней. Есть и пить у нас она не будет. Она ест и пьет только то, что ей привычно, например куриный бульон.

— Чем она больна?

Эмилия помедлила.

— Синдром Ли Шуня. Редкое заболевание нервной системы. Его выделили и описали китайцы в конце двадцатого века.

— Как аутизм?

— С чего ты взяла? Вовсе нет.

В дверь позвонили, Маня бросилась открывать, а Эмилия скрылась в гостиной — она редко выходила во время сеансов и считала, что посетители не должны видеть ее мирно беседующей с племянницей в коридоре.

Следующим оказался крепкий, почти наголо бритый мужик, довольно молодой. Маня все никак не могла привыкнуть, что к тете Эмилии обращаются не только женщины, но и вполне приличные на вид мужчины.

— Я вас где-то видел, — сообщил посетитель Мане, и она быстро проводила его в гостиную.

Еще не хватает, чтоб ее узнали!..

Сергей Петрович намеревался узнать, жива ли его мать. Он вырос в приемной семье, и вот теперь ему совершенно необходимо разыскать эту самую мать, если она еще жива.

Маня старательно записала его просьбу, и пока Эмилия водила руками над фотографией предполагаемой матери, стала набрасывать в блокноте сцену для будущего романа.

...Темная комната, женщина и мужчина, со стен за ними наблюдают портреты, равнодушно ждут чего-то натюрморты. Чего они ждут? Тут какая-то тайна! Мужчина пришел неспроста, а для того, чтобы...

— Эта женщина жива и здорова, — громко объявила Эмилия, сбив Маню с мысли. — Но она не ваша мать.

— Как?! Я точно знаю!

— Сергей Петрович, — продолжала тетя деловым, холодным, сдержанным тоном. — Зачем вы пришли ко мне? С проверкой? Из налоговой?

Посетитель вытаращил на гадалку глаза:

— Я же вам сказал...

— Женщина на фотографии жива и здорова, и она не имеет к вам никакого отношения, никаких родственных связей я не вижу. Зато я вижу, что ваши матушка с батюшкой совершенно благополучны и, если не ошибаюсь, сейчас где-то отдыхают. Не исключено, что у вашего батюшки проблемы с сердцем. Зачем вы пришли?

Сергей Петрович, кажется, растерялся немного, но быстро взял себя в руки и стал уверять Эмилию, что она ошибается и пришел он, исключительно чтобы найти свою настоящую мать, но Эмилия была непреклонна, а напоследок сказала и вовсе загадочное:

— Ходить с оружием — значит набиваться, чтобы в тебя стреляли.

И выставила посетителя вон.

— Как ты узнала, что его родители живы? — спросила Маня, когда негодующий Сергей Петрович удалился. — И что значит эта сентенция про оружие?

— Мария, я знаю, ты не веришь в мой дар, но он на самом деле существует.

— Тетя!

— Посмотрю, как там девочка.

В дверь позвонили, Маня открыла, охнула и отступила — в переднюю втиснулся человек-шкаф в черном костюме, за ухо заправлен витой шнур передатчика.

— Вы кто?!

Человек обшарил взглядом стены и двери.

— Это мое, — хохотнули за спиной человека-шкафа, — не пугайся, сестренка!..

Шкаф посторонился, пропуская девицу в белом облегающем костюме — брюки клеш, жакет на голое тело, на выпирающих грудях разноцветные татуировки.

— Стой там. — Девица подбородком показала на лестничную клетку. — И передай им, что мне нужен гример! Понял? Пусть приезжает прямо к телику! И ждет!

Тут Маня ее узнала.

Ну, конечно же! Страшно модная новая блогерша Кара Ван, рассказывает о путешествиях, но не простых, а золотых — клиники красоты во Вьетнаме, спа в Дубае, очистительные процедуры в Индии, ритуалы омоложения на Бали, роды в морской пучине, мистические обряды в Индонезии, в общем, все, что следует знать современной женщине о ее красоте.

В интернете Кара Ван казалась высокой, устремленной к небесам, легкой, как перышко.

В жизни она оказалась крепкой, бойкой девахой с низким голосом. Должно быть, поэтому Маня не сразу ее узнала. Вот на что способны компьютерные фильтры!

— Слушай, — рассматривая себя в старинном тетином зеркале, заговорила блогерша, — принеси чего-нибудь попить, а? Есть вода с пе ашем семь и четыре?

Маня смотрела на нее сверху вниз — из-за гренадерского своего роста — с изумлением.

— Ну, вода, — пояснила Кара. — С уровнем Ph 7,4? Есть?

— В кране есть вода, — мстительно сообщила Маня. — И в бутылке есть. Называется «Боржоми». Вам из крана или из бутылки?

— А капучино есть? Без кофеина и на кокосовом?

Маня развела руками. Ей становилось смешно.

— Могу ромашку заварить, очень полезно при запорах и от нервов. Не страдаете?

— Мария, — позвала из комнаты Эмилия напряженным голосом, — проводи ко мне гостью!

Неожиданно девица потянулась и сделала попытку хлопнуть Маню по плечу, но достала только до середины спины, получилась неловкость. Засмеялась и зашла в гостиную.

Кара Ван желала узнать, что на уме у нового мужчины ее жизни по имени Ясон. Их познакомили на вечеринке в Монако, куда Ясон прибыл со своим танцевальным коллективом.

Маня все старательно записала.

Оказавшись наедине с прорицательницей, благовониями, полутьмой и Книгой перемен, Кара Ван вдруг занервничала и стала облизывать губы. Эмилия долго и внимательно смотрела на нее. Кара совсем стушевалась и начала возиться в кресле, словно из него торчало шило, впивалось в дивной красоты задницу, полученную путем шаманских камланий вблизи водопадов Замбии.

Эмилия повела речь издалека, зачем-то прошлась по родителям Кары и ее родственникам в Кишиневе, потом рассказала о первом муже — хоккеисте — Маня не слушала, все это было более или менее известно, можно найти в интернете.

Она ждала с нетерпением, как тетка станет выкручиваться с Ясоном. В конце концов, вопрос предельно простой — подходит Ясон Каре, а Кара Ясону или не подходит!

И Эмилия выкрутилась!

Она велела Каре приходить еще раз, ибо в настоящий момент как следует не может рассмотреть — где-то там стоит некий блок.

Удивительное дело, но Кара обрадовалась и попросила немедленно записать ее на «через неделю», потому что за это время ей нужно «смотаться в три места».

Маня записала.

— Зачем ты назначила ей второй сеанс? Придумала бы что-нибудь, да и все дела! — Разочарованию Мани

не было предела. — Ты все равно не сможешь за неделю узнать, что за человек этот Ясон!

— Дрянь-человек, — отрезала Эмилия. — И познакомили их специально, чтоб ее с толку сбить и денежки прикарманить. Она работает с утра до ночи и зарабатывает не просто хорошо, а отлично!..

— Так сказала бы ей!

— Мне тоже нужно зарабатывать, — объявила тетка. — От нее не убудет, а мне прибыток! Пусть еще разочка два придет, а я как раз подумаю, как бы ей помягче сказать. Влюблена она в этого Ясона, я же вижу.

Маня рассердилась и, чтоб не вступать в перепалку, отправилась посмотреть, как дела у ребят, Марфы и Вольки.

Марфа за ширмой не рисовала, а что-то писала в своей тетрадке, даже голову не подняла. Зато Волька, когда Маня заглянула в кабинет, так обрадовался, так закрутился посреди ковра, что потерял равновесие и брякнулся на бок с гулким звуком.

Маня обняла горячее, плотное, мускулистое тельце, потерлась носом, понюхала — ей страшно нравился запах Вольки, должно быть, она ненормальная! — и велела ему сидеть тихо.

Волька так сидеть отказался — уже насиделся, достаточно!

Он принялся неловко вскидывать упористые передние лапы Мане на джинсы, тыкаться рылом, похожим на свиное. Было совершенно понятно, о чем он толкует — когда же, когда мы пойдем гулять по городу и гонять голубей в сквере на Конюшенной или хотя бы за роман засядем! Вольке нравилось писать с Маней роман — она стучала по клавишам ноутбука, а он часами дремал у нее на ноге, такая красота!..

Маня и погладила, и поцеловала, и пошлепала, но Волька не унимался, и открывать дверь следующему просителю они отправились вместе. Тетя ей всыплет, как пить дать!..

— Господи, — перепугалась женщина средних лет, очень просто одетая, с нелепой сумкой на боку. — Уберите, я собак боюсь!

— Он не тронет, не беспокойтесь.

— Нет, нет, я не войду, я боюсь!

Маня отволокла Вольку обратно в кабинет, где он сразу же принялся кидаться на дверь.

— Проходите вот в эту комнату.

Оглядываясь по сторонам, женщина старательно вытирала ноги о коврик, а потом долго расшнуровывала кеды.

— К нам можно в обуви, — в третий раз сказала Маня, прислушиваясь к шуму, который производил ее пес в кабинете. За шум тетя тоже всыплет!

— У вас паркеты вон какие, — пробормотала женщина, — что ж я уличную грязь на них потащу!..

Звали ее Виктория Павловна, она служила в бухгалтерии какого-то завода. По ее мнению, злая колдунья наложила на нее «венец безбрачия», и она просила Эмилию его снять.

Напрасно тетка уверяла, что никого венца на ней нет, Виктория Павловна точно знала, что есть.

— Это она меня прокляла, — всхлипывала просительница, — соседка из Паршина! Когда мы на картошку приехали! Она за Вадика замуж собиралась, а он меня увидел и полюбил. И в город за мной уехал! А она к колдунье пошла! Чтобы меня... погубить! Я знаю! С тех пор замуж выйти не могу, ну вот никак! Сделайте хоть вы что-нибудь, снимите этот венец проклятый!..

Эмилия думала, пристально глядя на женщину. Та плакала.

Маня притаилась за своим секретером, просто замерла. Ну, хорошо, Кара Ван может приходить до бесконечности и также до бесконечности приносить денежки, от нее правда не убудет, а эта тетка? Она явно не сможет постоянно платить ясновидящей гонорары! Как Эмилия станет выходить из положения?..

— Венца безбрачия нет, — проговорила Эмилия сурово и внушительно. — Да его и мало кто может наложить, деревенской колдунье это не под силу!

— А как же?! Почему ж тогда замуж-то никто не берет?!

— Сейчас посмотрим.

И Эмилия принялась раскладывать карты.

Вердикт оказался более чем расплывчатым — вроде бы Виктория Павловна вскоре выйдет замуж, но только если не изменится энергетический поток, который должен привести к ней избранника, а он вполне может измениться, оттого что у Виктории Павловны на уме какое-то темное дело, о котором Эмилия толком сказать ничего не может, потому что сейчас оно скрыто от ее глаз.

— Да какое же у меня может быть темное дело? — перепугалась Виктория Павловна.

— Вы подумайте, — велела Эмилия. — Вспомните, кого вы осуждаете или про кого плохо думаете. Или, может, за что-то невзлюбили. Образ придет к вам сам собой, вы просто должны думать.

— И... дальше что?

— Попросите прощения.

Лицо Виктории Павловны выражало огромное, болезненное разочарование. Мане было ее ужасно жаль.

Но, оказывается, Эмилия припрятала в рукаве козырь.

— А вот это, — и она подала со стола склянку, — специальное масло. Накапать в воду и греть на свечке. Оно улучшает и просветляет ауру. А это, — тут Эмилия достала какой-то листочек в файловой папке, — дыхательные упражнения. Делать, пока свечка горит.

Виктория Павловна оживилась.

— Через месяц ко мне, — продолжала Эмилия. — Если образ раньше явится, приходите сразу.

— Приду! — словно поклялась Виктория Павловна, прижимая к груди пузырек и папочку.

— А сейчас, — продолжала Эмилия, — ступайте мимо Спаса на Крови, мимо Инженерного замка...

— Да мне совсем в другую сторону, мне в метро!

Эмилия взмахнула рукой, останавливая просительницу.

— Возле входа в парк всегда стоит лоток с мороженым. Обязательно купите мороженое и съешьте. Только это обязательно. Понятно?

— Понятно, — зачарованно согласилась Виктория Павловна.

Вот наконец волшебство-то! Все на месте — и склянка с особенной жидкостью, и листок с заклинаниями, и странное задание!

— Тетя, — громко сказала Маня, закрыв за Викторией Павловной дверь, — вот тебе не стыдно? Совсем, ни капельки?

— Чего именно я должна стыдиться, племянница?

— Ты же... ты же выдумываешь все! Она купит это самое мороженое и будет ждать перемен. Она же верит! А ничего не будет, никаких перемен! И муж у нее от мороженого не появится!

— Ну, — неопределенно сказала Эмилия, — мы посмотрим.

— Дыхательные упражнения, капли из аптеки! Это же такое... надувательство! Что ты станешь делать, когда она опять придет?

— Ты запомни ее, Маня, — вдруг сказала Эмилия добрым голосом. — Она больше не придет.

— Как?! Ты же ей сказала приходить! И этот самый... образ врага! Она должна что-то такое вспомнить и попросить прощения! Я же слышала!

— Она больше к нам не придет. Ей будет не до нас. У нее будут свадебные хлопоты.

— Тетя!

— Ммм?.. И прошу тебя, когда я работаю, не выпускай своего урода! Он сбивает тонкие настройки!

Маня зафыркала носом от возмущения, помчалась на кухню, залпом выпила стакан ледяной газированной воды, задохнулась, икнула и прикрыла рот рукой.

...Вот так тетка! Вот так Эмилия! Выходит, ей совсем, нисколечко не стыдно?! И неловкости никакой нет?!

Нужно написать об этом роман — об обмане, в который сам обманщик верит так истово, что в какой-то момент перестает считать его обманом, и стыдиться тоже перестает!

Впрочем, высокие материи больше по части Алекса Шан-Гирея, чем Марины Покровской! Он велик, а она даже на роль Софьи Андреевны, жены писателя, претендовать не может!

Следующим явился тот самый толстосум из Нью-Йорка, который беспокоился за свой покер-бизнес.

— Я вас знаю, — с порога заявил он Мане. — Вы писательница. Пишете классные штуки! Спасибо вам.

— Пожалуйста, — пробормотала оторопевшая Маня. — Я стараюсь.

— Лев. — И посетитель сунул ей руку. — В смысле не царь зверей, а имя такое! Лев Сергеевич Граф. В смысле не титул такой, а фамилия! Я Лев Граф. Граф Лев. Ужас, да?

Маня смотрела на него во все глаза.

Он улыбнулся. Зубы один к одному, как на плакате в кабинете дантиста. Американские такие зубы.

— Проходите! — спохватилась Маня, оторвалась от его улыбки и широким жестом пригласила в гостиную.

Лев Граф — Граф Лев — в кресле напротив Эмилии чувствовал себя абсолютно вольготно. Ни восточные одежды, ни благовония, ни тысячелистник и гадальные карты, казалось, нисколько его не смущают.

— Дорогая Эмилия, вам привет от Старкова, — первым делом объявил посетитель, — ну тот, который из правительства.

— Я понимаю, — отозвалась Эмилия.

— И разговор у меня сугубо... конфиденциальный. Я хотел бы поговорить без свидетелей.

Маня стала выбираться из-за секретера. Хлипкая крышка как назло приподнималась, падала, не давала выбраться.

— Моя племянница нам не помешает, — сказала Эмилия твердо. — Вы же знаете, мне необходимо присутствие помощника, который ведет запись, чтобы потом работать с вашей проблемой.

— Еще и запись! — воскликнул Лев и, кажется, попытался всплеснуть руками. — Совсем не годится, дело очень важное. Могу я все же настоятельно попросить вашу... э-э-э... племянницу удалиться? Кстати, она пишет превосходные романы!

Если б он не упомянул о романах и не назвал их превосходными, Маня осталась бы на месте, честное слово! Но он упомянул, и она все же победила дурацкую крышку, захлопнула секретер и вышла в кабинет.

У-у-уф!..

Волька караулил у двери в коридор, поэтому Маню проглядел, а когда обнаружил, впал в неистовство.

Маня проделала все необходимое — дала поскакать, покидаться с объятиями, вынесла мокрые собачьи поцелуи, — взяла бультерьера под мышку, вышла в коридор, опустилась на банкетку для посетителей и посидела немного.

Как много странных людей вокруг! Ее собственная тетка — очень странный человек! Она ведь, честно сказать, мошенница, а ведет себя как царица египетская, похоже, что и чувствует себя соответственно.

А просители? Или кто они?.. Пациенты?

Девочка Марфа с редкой болезнью нервной системы, ее завороженно-гранитная мамаша, бухгалтерша, отправившаяся покупать мороженое, потому что ей так велели! Этот самый Лев, узнавший Маню в первую секунду, — неужели он тоже верит в теткин дар ясновидения?!

Ведь ясно ежу, что дара никакого нет и быть не может! Как не может быть никаких тонких настроек и ауры, которую искривляет открытая форточка!

В дверь позвонили, Волька завертелся и бодро тявкнул. Маня взглянула на часы — для следующего странного человека еще рано, только что начался сеанс с Графом Львом! Кто бы это мог быть?

На пороге стоял совсем молодой парнишка в форме.

— Эмилия Дмитриевна Поливанова?

— Нет. — Маня покрепче перехватила Вольку, который с упоением брехал и рвался. — Я ее племянница.

— Паспорт есть?

— Тихо! — прикрикнула Маня на бультерьера. — Замолчи!

— Паспорт Эмилии Дмитриевны Поливановой есть?

Маня отступила в переднюю, опустила Вольку на пол — тот сразу залаял еще неистовее. Паренек шустро спрятался за дверь.

— Уймись ты! — приказала Маня Вольке. — Вот найду тебе кинолога, будешь знать! Замолчи!

Из верхнего ящика комода она вытащила тетин паспорт и показала парнишке.

— Доставочка вам, — сообщил парнишка, даже не взглянув на имя в документе. — Распишитесь вот там, внизу.

— Да вы заходите.

— Не, он меня укусит.

— Волька, замолчи!..

Маня расписалась «вот там, внизу», парень сунул ей небольшую коробку, всю заклеенную липкой лентой, и дунул вниз по лестнице.

— От кого доставка-то? — вслед ему прокричала Маня.

— А я почем знаю! — бодро отозвался курьер, эхо отдалось от стен подъезда. — Вам видней!

Маня закрыла дверь, повертела коробку так и сяк, пристроила на комод и пожала плечами.

— Вот что ты орешь? — накинулась она на пса, который больше не брехал, а крутился вокруг нее, всем своим видом выражая удовольствие и радость. — Ты должен быть умным животным! У нас большие планы, соображаешь? Мы осенью в Анапу приглашены на фестиваль молодых кинематографистов! Если ты станешь на всех попусту лаять, тебя на фестиваль молодых кинематографистов не пустят! Понял?

Волька ничего не понял, и Маня вздохнула. Ей очень хотелось есть и на улицу выйти.

Ни то ни другое было нельзя.

Обедать среди рабочего дня, да еще без тети, она считала подлым предательством, и уйти тоже нельзя, впереди еще один посетитель. Или посетительница.

Маня прошагала на кухню, взяла из корзины яблоко, откусила огромный кусок — сок брызнул на футболку. Маня неловко смахнула капли пятерней и позвонила Алексу.

Тот долго не брал трубку, а когда ответил, выяснилось, что он спал и Маня его разбудила.

— Как спал? Время пятый час!

Алекс помолчал.

— Ты что, ночью не спал?

За ним такое водилось, время от времени он впадал в бессонницу, ложился после полудня и спал до вечера.

Маня этого терпеть не могла. Ночная Алексова жизнь ее пугала.

— Алекс?

— Зачем ты звонишь, Манечка?

— Поговорить с тобой.

Он опять замолчал.

Маня знала, что он так может промолчать и час, и два, и до вечера.

— Как твоя работа?

— Никак. Я не работаю.

— Почему?

— Не знаю.

...Вот и весь разговор. Не работаю, не знаю, дела никак.

— Приезжай ко мне! — предприняла последнюю попытку Маня. — Вот прямо сегодняшним «Сапсаном» приезжай, Алекс! Я съеду от тети, и мы станем широко жить в отеле!

— Почему ты все время веселишься, Маня?

— А что мне остается? — пробормотала писательница Покровская. — Только ликовать.

— С твоего разрешения, я еще посплю немного. До свидания, Маня.

— До свидания, Алекс.

Маня сунула телефон в задний карман джинсов, еще раз откусила яблоко, боком приткнулась к столу и ссутулилась.

Ей очень хотелось плакать. Еще не хватает!

Она подхватила Вольку под передние лапы, проделала танцевальное па, пальцем нажала в середину розового собачьего носа, словно в звонок позвонила, бравурно пропела «Здравствуй, страна героев, страна писателей, страна ученых!».

И не стала плакать.

Из коридора послышались голоса — должно быть, тетя и Лев закончили свой секретный сеанс.

Секретный рассказ Толстого «Лев и тетя» — пронеслось в голове у Мани.

— Мария, проводи. Значит, до завтра, Лев Сергеевич.

— Да-да, до завтра.

Мане показалось, что Эмилия странно взволнована, даже покраснела. С чего бы? Или, может, разговор со Львом вышел трудным?..

Как только Эмилия скрылась в гостиной, Лев приложил правую руку к груди и сказал проникновенно:

— Марина, у меня нет с собой книги, но завтра я непременно захвачу. Вы дадите мне автограф?

— Конечно.

— А какой принести роман? Который вам особенно дорог?

Маня развеселилась:

— У вас подборка?

— Я люблю детективы.

— Вот уж несовременно, — заметила Маня. — Сейчас читать немодно. Сейчас модно снимать ролики. И слушать певицу Клаву Коку. И гадать на картах Таро.

— Возможно, возможно, — любезно согласился Лев. — Так какую книгу?

— Мне нравится роман «Все ничего!», — призналась Маня. — Я была в таком хорошем настроении, когда его писала!

Он опять улыбнулся во все свои немыслимые зубы и распрощался.

— Боже, какой мужчина! — пропела Маня громко. — Суну его в корзину! Понесу его к лесу и брошу там к бесу! Тетя, зачем он приходил этот тип? — крикнул она, допев. — Что ему нужно?

— Мария, не кричи, у нас в доме гостья.

Маня вдвинулась в гостиную.

— Ну?

— Я не могу тебе повторить его просьбу. Она правда конфиденциальная.

— И ты назначила ему прямо на завтра?

Эмилия кивнула, как показалось Мане, нехотя.

— Я планировала завтра поехать за город, но придется остаться. Да-да, придется.

Маня вздохнула — плакала ее прогулка по парку Елагина острова! Опять они с Волькой проторчат весь день в квартире.

— Тебе здесь делать будет совершенно нечего, — словно отвечая на Манины мысли, проговорила тетка. — Он не хочет, чтоб о деле знал кто-то еще, кроме меня.

Маня возликовала.

— То есть завтра я свободна?

— С самого утра.

— Ура! Я вечером сварю куриный бульон и оставлю тебе.

— Мария, я не ем во время работы. Еда отвлекает и сбивает настройки поля.

— Ох уж это поле! Да! Тебе посылка! Вон там, на комоде! Я сейчас принесу.

Эмилия покрутила в руках сверток, пытаясь рассмотреть от кого, и обрадовалась:

— Должно быть, от Лары из Иерусалима. Господи, из-за этого проклятого вируса мы не можем встретиться уже год! Подай мне ножницы!

В посылке оказались финики и сувенирчик — символическое изображение женской ладони в рамочке и под стеклом.

— На Ближнем Востоке считается, что «рука Фатимы» приносит счастье и удачу, — заметила тетя. — Отнеси в кабинет или на кухню.

«Вот так всегда, — подумала Маня, пристраивая сувенирчик на книжную полку, — стараешься, покупаешь всякие штучки, заворачиваешь, надписываешь — при этом почему-то обязательно забывается индекс и что-то непременно нужно уточнять, то ли номер дома, то ли номер квартиры, — отправляешь, а тот, ради кого все это проделывалось, засовывает подарок подальше с глаз или передаривает!»

Полюбовавшись на «руку Фатимы», Маня прошла в гостиную и заглянула к Марфе за ширму. Девочка никакого внимания на Маню не обратила, даже головы не подняла.

Она писала очень крупными буквами, словно страдала близорукостью. Из написанного Маня не разобрала ни слова, хоть и старательно заглядывала Марфе через плечо.

— Хочешь пообедать?

Марфа никак не отреагировала.

— А чаю? Может, хочешь чаю с пышкой?

Никакой реакции.

Маня вздохнула.

— Ну, ты зови меня, если чего-нибудь захочется. Я Маня. Ты сразу кричи: «Маня, Маня!..»

И вышла.

Последним на сегодняшний день посетителем оказалась уверенная женщина, скорее молодых, чем средних лет.

— Ирина, — представилась она и пожала Мане руку. — Куда проходить?

Маня провела ее к Эмилии, сама пробралась через кабинет, не забыв спросить у Марфы, не хочет ли та пообедать. Девочка продолжала писать. На появления и исчезновения Мани и бультерьера она совсем не реагировала.

— ...таким образом я не знаю, на что мне решиться. — Посетительница, по всей видимости, заканчивала излагать свою проблему. — Что вы посоветуете? Или ваши... ммм... карты посоветуют?

Эмилия молчала, рассматривала гостью.

— Я бы сама, конечно, никогда не пошла к гадалке, — продолжала та очень бойко, — но моя подруга когда-то была у вас, и все, что вы ей сказали, оказалось правдой. И все сбылось! Она меня заставила, можно сказать.

Эмилия еще немного помолчала, а потом проговорила задумчиво:

— Какой вопрос вы хотите задать?

Посетительница удивилась:

— Так я же вам объясняю!

— Вы говорите, что собираетесь поменять работу. Так, понятно. А вопрос какой?

«Ирина меняет работу», — старательно записала Маня в таблицу.

Есть хотелось все сильнее, и от благовоний, духоты и разговора с Алексом у нее болело в затылке, тяжело, противно, словно туда ртуть наливали.

Ирина немного повысила и без того громкий голос:

— Я хочу знать, имеет ли смысл сейчас менять работу. Я не понимаю, соглашаться мне на предложение или нет. На нынешнем месте меня все устраивает, абсолютно все! Но там — перспективы! А в наше время перспективы — это важнее!

Эмилия вздохнула и потянулась к картам.

— Совсем не работа у вас на уме.

— Что?..

— Ваш коллега... нет, скорее начальник, женат и разводиться не собирается.

Посетительница оторопела:

— Что... такое?

— А новую работу и впрямь нужно подыскать. Оставаться на прежнем месте вам нельзя, — продолжала Эмилия. — Вы погибнете.

— Как?!

— Уходите, — велела ясновидящая. — И не приходите больше. У вас на уме темное дело, я не хочу в нем участвовать.

Маня наблюдала за происходящим со все возрастающим интересом.

Ирина вдруг подалась вперед и спросила, не отводя от Эмилии глаз:

— А если я заплачу? Очень хорошо заплачу!

— Я в темных делах не участвую.

— Я могу предложить вам столько денег, сколько вы за всю жизнь в руках не держали.

— Уходите, — повторила Эмилия.

Ирина еще немного посидела, потом поднялась и вышла, не говоря ни слова.

— Тетя! — воскликнула Маня. — Что за драму ты сейчас давала?! Или что это было? Детектив?

На лице у Эмилии было написано изнеможение, словно она весь последний час тянула против течения груженую баржу.

— Дай попить.

Маня помчалась на кухню и принесла нарзану и корвалол.

— Да что такое случилось, тетя?!

Эмилия отвинтила крышку с пузырька, глотнула прямо из горлышка и поморщилась. По комнате поплыл больничный запах эфира и валерьянки.

— Запей, запей!

— Так бывает, — отдышавшись немного, проговорила Эмилия. — Они приходят... с черным делом. А это... опасно. Это воронка, понимаешь? И пока она открыта, нужно смотреть, чтобы оттуда никто не пробрался сюда, к нам.

— Я открою окно.

— Если их не сдерживать, они могут натворить дел.

— Кто? — безнадежно спросила Маня.

— Демоны, — ответила Эмилия. — Они небольшие, конечно! Мелкие бесы. Но если их впустить, будет беда.

Маня хотела пошутить про мелких бесов, но не стала.

В пять часов явилась Ольга Александровна и забрала Марфу вместе с ее тетрадкой и розовым рюкзачком, который так и торчал весь день у девочки за спиной.

— Значит, до послезавтра, — попрощалась Эмилия. — Мне как раз нужно с вами поговорить. Но сегодня сил нет, день был очень трудный. А послезавтра поговорим.

Ольга Александровна кивнула, взяла Марфу за руку, и они молча пошли вниз по лестнице.

— Но ведь ты же ее не вылечишь, — грустно сказала Маня. — Врачи должны лечить болезни, а вовсе не ты...

— Китайские практики ей помогают, — возразила тетка. — Им бы хорошо еще на иглоукалывание — у меня есть потрясающий кореец! Но все это стоит денег, а мать в школе работает.

— Не бери с них денег!

— Я стараюсь брать понемногу.

— Никаких не бери!

— Мария, ты глупа. — Эмилия прикрыла дверь в гостиную, где вечерний солнечный ветер полоскал занавески, выдувал благовония, настройки и ауры. — Есть законы, которые я не могу нарушать, не смею.

— Тетя, ты в любом случае нарушаешь все законы на свете! Ты морочишь людям головы за деньги! Это что? Не нарушение законов?

Эмилия стащила с головы тюрбан, аккуратно поставила его на полку и поводила над ним руками, словно смахивая невидимые пылинки.

— Мне нужно много воды, сегодня был правда очень трудный день. Я пойду в душ, Мария.

Маня отправила сегодняшнюю таблицу на почту — так было заведено у тетки: самой себе отправлять, чтоб файлы не потерялись, и направилась на кухню. Там она сгрызла еще одно яблоко, достала из холодильника заранее припасенный фарш и принялась лепить котлеты.

Они ей всегда удавались и выходили пышными, словно июльские облака.

Алекс очень любил котлеты.

Когда появилась Эмилия, у Мани все было готово — стол накрыт, салат нарезан, пес накормлен.

— Ужасный урод, — сказала про пса Эмилия и поморщилась. — Зачем ты завела такого? Чтобы досадить Алексу?

— Наоборот! — пылко вскричала Маня. — Они похожи! Смотри, какой у Вольки нос! Не нос, а целый носище! Как у Алекса.

Эмилия уселась, закинула ногу на ногу и вооружилась ножом и вилкой. В домашнем костюме с рожами и молниями — подарок племянницы, — с мокрыми волосами и без косметики тетя-ясновидящая была похожа на абсолютно нормального человека.

— Вкусно, — сказала Эмилия про котлету. — Ты делаешь успехи, Мария.

— Успехи я делала в школе, — язвительно сообщила Маня. — А сейчас я уже взрослая.

— Если Лев тебя пригласит куда-нибудь, сходи с ним, — неожиданно выдала Эмилия.

Маня развеселилась:

— Что-о-о?! Вот с этим самым, который Граф? Граф Лев?! Тетя, за кого ты меня принимаешь! У него одно только имя — моветон.

— Сходи, Мария.

— Да никуда я с ним не пойду, что ты?! И приглашать он меня не собирается! И вообще я завтра вольноотпущенный со службы, правда же?

Эмилия кивнула.

— А это значит, — продолжала веселиться Маня, — мы с ним больше не увидимся.

— Увидитесь.

— Тетя, — слезно попросила племянница, — ну, хоть за ужином брось ты изображать мойру или дельфийского оракула! Съешь еще котлетку!

— Мы же собирались худеть.

Маня взмахнула вилкой:

— Ну что, и собирались! Мы и худеем — целый день ничего не едим, а под вечер трескаем котлеты! Ты бы лучше наколдовала, чтоб мы стали стройные, как... как... киренейские лани!..

— Ничего не выйдет, — сообщила Эмилия. — Мы такие, какие есть, — за нами поколения предков, их отменить никто не в силах.

— То есть все мои прапрабабки и прапрадедки были ростом с сосну и весом с чугунный мост?! Как я?!

— Да.

Такого ответа Маня никак не ожидала.

— Откуда ты знаешь? Ах, ну да, ты же прозреваешь глубь веков... А погадай мне на картах Таро!

— Не стану.

— Почему?

Эмилия вздохнула:

— Близким не гадают. И потом! Пока не задан вопрос, у судьбы есть выбор. Если ее спросить, то есть

погадать, она должна будет ответить, и выбора у нее не останется. Понимаешь?

Маня смотрела на Эмилию очень внимательно. А та вдруг предложила:

— Давай выпьем вина, Мария. В холодильнике «Дом Периньон».

Маня с готовностью согласилась выпить, но только не «Дом Периньон», конечно.

— Лучше прибережем на Новый год, — рассудительно сказала она.

Эмилия сама вытащила шампанское из холодильника и очень ловко и деликатно открыла.

Вино оказалось превосходным — игривым, легким, шаловливым.

— Я сейчас позвоню Лидочке, — проговорила Эмилия, когда они с удовольствием сделали по глотку. — Это моя подруга Лидия Леонтьевна. Она работает в «Астории», кажется, директором по гостям.

— Какие у тебя подруги!..

— Лидочка приютит тебя на завтрашнюю ночь.

Маня поставила фужер и задрала брови:

— Тетя?! Ты выгоняешь меня из дома в степь? На мороз? У тебя что, завтра свидание?!

— У меня завтра трудный день, — сказала Эмилия, — и я не знаю, когда он закончится, может быть, довольно поздно. Я не хочу, чтоб ты не вовремя явилась и сбила мне...

— Настройки, — подсказала Маня. — Испортила воздух и ауру!

— Вот именно. Да и переночевать в «Астории», по-моему, было бы отлично. Ты же любишь... красивую жизнь.

— Сто лет красиво не ночевала в «Астории».

— Вот именно. Лидочка все устроит, и нам не придется платить за номер сумасшедшие деньги.

Перспективу оказаться — хотя бы на одну ночь! — в любимом отеле, в номере с видом на Исаакиевский

собор, с просторной ванной, круассаном и байонской ветчиной на завтрак, с возможностью посидеть с книжкой в ротонде, лениво читая и разглядывая посетителей, а потом прогуляться с собакой в небольшом ухоженном сквере Маня нашла столь ослепительной и блестящей, что трижды прокричала «ура!» и отсалютовала тетке фужером.

Но этого ей показалось недостаточно, и она вскочила и поклонилась.

— Будет тебе, — проговорила Эмилия с усталой улыбкой. — Уймись.

Но Маня не унималась и даже спала плохо — все мечтала о завтрашних «каникулах Бонифация», об «Астории», о шикарных прогулках и вспоминала сегодняшний длинный день.

Зачем приходил Сергей Петрович, самый первый посетитель, и кто он такой вообще? И что за странную фразу сказала ему Эмилия: «Ходить с оружием — значит набиваться, чтобы в тебя стреляли?» Что нужно было Ирине, от какого «темного дела» тетка отказалась наотрез?.. Какие секреты поведал Лев Граф и почему понадобилась срочная встреча назавтра? С чего Эмилия взяла, что кавалер блогерши Кары Ван подлец и стяжатель? Зачем незамужняя Виктория Павловна должна купить мороженое в лотке возле решетки Инженерного замка?

Утро началось низкими тучами и сильным ветром. Все лето шпарило солнце и жара казалась почти невыносимой, а тут — на тебе!.. Именно в тот день, когда задуманы роскошные прогулки по паркам и садам, а также рекам и каналам, того и гляди дождь пойдет!

Несправедливо!

Впрочем, Маню Поливанову никогда не огорчала погода — так уж она была устроена. Ей всегда все нравилось — ведро, ненастье, книги, спектакли, люди, собаки, поезда и автомобили.

Алекс считал ее жизнерадостность примитивной и слишком нарочитой, и время от времени Маня изо всех сил старалась выглядеть несчастной, разочарованной и роковой — чтоб соответствовать. Хватало ее ненадолго, она принималась радоваться и приходить в восторг, начисто забывала о роли.

Вспомнив, она с грустью констатировала, что роль ей не по силам, она умеет только интересоваться и радоваться жизни, а презирать и ненавидеть ее не умеет и даже толком изобразить это не может, а ведь любой мало-мальски приличный писатель просто обязан воспринимать жизнь как трагедию!

Так как Алекс отсутствовал, изображать роковую и усталую женщину у Мани не было никакой надобности.

Она быстро и радостно собралась — узкие туфли, новые джинсы и белая рубаха с кружевами полезли в рюкзак, в этом она станет проводить свой вечер-люкс. Штаны с отвисшей задницей, на которой напечатаны какие-то загадочные цифры, — страшно модная нынче штука, широченная толстовка, которая даже на здоровенной Мане выглядела как с мужского плеча, кроссовки и кепка. Ужин и миска Вольдемара.

Все, она готова!

— Тетя, я ухожу!

Эмилия показалась в коридоре, уже облаченная в рабочий костюм, то есть в восточные одежды, балахоны и чалму.

— Ты взяла зонт? Будет ливень.

— Этот прогноз в телефоне всегда врет.

— Мария, возьми зонт.

Брать зонт Мане было решительно не с руки — у нее рюкзак и бультерьер, — и она сказала, что ей достаточно кепки и капюшона толстовки.

— Как хочешь. Вымокнешь сильно.

— Ты позвонила в «Асторию», тетя?

— Конечно же! Тебя там ждут.

Тетка с племянницей расцеловались, и Маня помчалась вниз — от ее поступи задрожали цветы на подоконнике лестничной площадки.

До парка на Елагином острове Маня доехала на такси — мимо интерната на улице Савушкина, где когда-то учился ее отец. Тогда интернат был специализированным — для одаренных детей, — и брали только гениальных мальчиков и девочек. Маня всякий раз старалась пройти или проехать мимо этой школы, как в детстве, когда проезжала или проходила вместе с родителями и мама всегда кричала школе «ура!».

Мама тоже была веселой. Как Маня.

Им с Волькой удалось благополучно прошмыгнуть в парк. На этот раз сторож оказался на месте, но, заметив Маню с Волькой, тут же сделал вид, что не видит их, — принялся болтать с садовницами, которые возились на клумбе.

С собаками нельзя, но как бы можно.

Некоторое время Маня еще оглядывалась, нет ли погони, а потом вздохнула с облегчением, расправила плечи и припустилась бегом.

Волька мчал впереди, натягивал поводок, перепрыгивал небольшие лужицы, а глубокие брал с ходу вброд.

Ничего, ничего, в «Астории» отмоемся!..

Парк был старый, заросший, полный зеленого аквариумного света — от высоченных лип, смыкавших кроны над аллеями. В сторону Финского залива уходили ряды елей, земля под ними была густо устлана иголками и скорлупками от шишек, там и сям натыканы таблички, извещающие о том, что здесь территория белок. Где-то далеко-далеко играла музыка, и Мане она очень нравилась.

Решено было идти к Финскому заливу, а потом в обратную сторону, к дворцу, сделать круг и выйти с другой стороны парка, где набережная.

Залив уже виднелся между деревьями, серый, всклокоченный, как неухоженная старуха, когда хлынул дождь.

Он не пошел, а именно хлынул — липы загудели тревожно, ветер наддал, с неба полило, и словно вихрь закрутился в кронах, полетели ветки и посыпались листья.

Маня и Волька повернули было обратно, но кругом парк и никакого укрытия поблизости! Вмиг они нашли дерево пораскидистей и забрались под него. Волька смотрел на Маню с недоумением — что такое случилось? Кто и зачем поливает их водой?

Дерево долго не сдавалось, но в конце концов с веток тоже полило, кому-то точно за шиворот, кому-то прямо на шкуру!

— Вот это да! — перекрикивая шум бури, воскликнула Маня, стараясь быть жизнерадостной и немного успокоить встревоженного Вольку. — Вот это мы с тобой влипли!..

Еще была некоторая надежда, что дождь кончится и они доберутся до стоянки такси, но вскоре стало ясно, что непогода только разгуливается — ветер немного стих, зато дождь пошел долгий, сильный и монотонный.

Маня решительно не знала, что делать.

То есть понятно, что нужно выбираться, и уже ясно, что они промокнут — до трусов, до шнурков, до нитки! Но непонятно было, куда именно выбираться — в таком виде их вряд ли посадят в такси, а пешком до центра не дойдешь!..

И все же нужно что-то делать.

— Пойдем, дорогой! — бодро сказала Маня бультерьеру. — Ты уж меня прости, но ничего не попишешь.

Они выбрались из-под дерева и быстро пошли — сначала ежась и стараясь как-то укрыться, а потом уже не пытаясь, ибо в этом не было никакого смысла.

Интересно, думала Маня, бодро шагая — вода текла у нее по лицу, по рукам, капала с подбородка и паль-

цев, — в рюкзаке ведь тоже все промокло или нет? В чем она станет проводить свой нарядный вечер-люкс?

Вскоре они оба стали замерзать, а парк все не кончался — это был хороший, обширный, старый парк! Волька бежал и трясся, время от времени останавливался, отряхивался, смотрел на Маню и опять принимался бежать и трястись.

— Ты хороший товарищ, — пропыхтела Маня на ходу. — Не жалуешься!..

Дождь немного поутих, зато поднялся ветер, и когда они перебегали канал, совсем заледенели.

Как Маня и предполагала, равнодушные таксисты проезжали мимо, и приходилось отпрыгивать, чтобы не попасть под веер грязной холодной воды из-под колес, а вызванный по телефону водитель притормозил, но, завидев с головы до ног мокрую тетку с грязной собакой на поводке, моментально набрал скорость и убрался восвояси.

— Я на вас жаловаться буду! — крикнула ему вслед Маня.

Делать нечего, пришлось идти.

Шли долго и мучительно.

Сначала по Приморскому проспекту, потом направо на Каменноостровский, и опять все прямо и прямо. На полдороге Маня поняла, что стерла ногу — в кроссовках хлюпала и плескала вода, носки все время сползали. Первое время она еще поправляла носок, чтоб не так терло, а потом бросила, какая теперь разница!.. Дождь все шел.

Потом Мане стало очень жалко себя и своего пропавшего выходного — «каникулы Бонифация» как-никак, и вот такая ерунда!..

Потом Волька, который давно уже плелся у Мани на буксире и ей то и дело приходилось его подтаскивать, взял и лег. Напрасно Маня уговаривала его встать и продолжить путь. Пес тряс острыми ушами, тяжело

дышал, отводил глаза. Нос, несмотря на дождь, был очень горячим.

Маня постояла над ним, поуговаривала, но из этого ничего не вышло. Волька лежал почти что в луже, и его, и Маню поливал дождь.

Маня взяла его на руки — он был весь сырой и горячий, от него сильно пахло псиной — и понесла.

Чего особенного-то! Восемь килограммов всего. Волька ведь не просто бультерьер, он мини. Мини-бультерьер.

Время от времени она останавливалась передохнуть и перехватить поудобней пса, который сползал. В конце концов пришлось взвалить его на плечо, как куль.

Потом она как-то моментально и безнадежно устала.

— И чайник сказал утюгу, — пробормотала Маня, — я больше идти не могу...

Волька повернул к ней свинообразную башку, взглянул, виновато фыркнул, отплевываясь от воды, и лизнул в нос.

На Дворцовом мосту Маня решила, что дальше не пойдет. Вот тут присядет на бордюр — «поребрик» по-питерски, — положит собаку и станет ждать, когда их заберет патруль. Как подозрительных личностей.

На Невском, куда они все же доковыляли, ее неожиданно окликнули:

— Марина?!

Тяжело и неровно дыша, Маня оглянулась. Вода капала у нее с носа и подбородка.

— Что? — невежливо выпалила Маня.

Какая-то женщина, смутно знакомая и, главное, абсолютно вопиюще сухая, даже туфельки у нее блестели, вышла из машины, распахнула гигантский зонт и смотрела на Маню во все глаза.

— Господи, вы так промокли! Пойдемте, пойдемте со мной скорее!..

— Куда? — еще более невежливо рявкнула Маня, но женщина уже открывала тяжелую высокую дверь с бронзовой резной ручкой.

— Проходите!.. Да проходите же!

В помещении было светло, тепло, сухо, розовый толстый ковер, посередине круглый стол, а на столе ваза. И кресла!..

Маня сразу же рухнула в кресло и свалила на ковер Вольку — как тюк. Они оба прерывисто и трудно дышали. С обоих текло и капало.

— Откуда вы такие? — спрашивала женщина, складывая зонт и скидывая летнее пальто. — Девочки, у нас гости! Юля! Вы шли пешком из Кронштадта?

— Из Гельсингфорса, — промямлила Маня, вспомнив тетю Эмилию. — С Елагина острова мы шли, через Приморский проспект. А потом по Каменноостровскому.

— С ума сойти, — удивилась женщина, — зачем же в такой ливень? И потом, через Крестовский остров ближе почти вдвое! Зачем же вы в обход пошли? И когда вы приехали? Почему не звонили?

Тут Маня наконец сообразила, куда попала.

Она попала... в магазин.

Честное слово, в магазин!..

— Марина, я сейчас вам подам полотенце, или лучше вы пройдите в мой кабинет, там удобней вытереться. Юля, давай скорей салфетки, вытирай собаку, видишь, она вся трясется! И кофе! Ставьте кофе!..

В этом магазине Маня, когда доводилось, с удовольствием и от души покупала себе наряды. Светлана — так звали управляющую, вот ту самую, что сейчас хлопотала вокруг, — детективы Марины Покровской обожала, считала авторшу исключительно талантливой, умной и содержательной, не пропускала ни одной программы с Маниным участием, знакомством гордилась, и Маню всегда принимали в этом магазине как родную.

— Светлан, — призналась Маня, — можете себе представить, я вас даже не узнала!

— Вполне могу, — тут же отозвалась управляющая, — у вас совершенно ошалелый вид. Пойдемте, я вас провожу.

Маня вытащила себя из кресла и поняла, что идти не может. Вот просто не может, и все тут.

— Нога, — пробормотала она и улыбнулась, — кажется, ее придется ампутировать.

Кое-как сковырнув кроссовок, Маня обнаружила, что по носку растекается кровавое пятно, а под носок лучше вообще не заглядывать.

Светлана и «девочки» вытаращили глаза, захлопотали, забегали, кажется, даже «скорую» собрались вызывать, чтобы спасать пострадавшую, но Маня мужественно заковыляла за Светланой во внутреннее помещение магазина. Она беспрестанно улыбалась и столь неистово благодарила, что в конце концов управляющая на нее прикрикнула:

— Марина, прекратите! Проходите сюда, раздевайтесь и вытирайтесь как следует! Вы что, хотите заболеть в разгар лета?! — Вышла и прикрыла дверь.

Стуча зубами, Маня стянула ледяной мокрый костюм и второй носок, белье тоже было насквозь, хоть выжимай.

Маня подумала, разделась догола и выжала лифчик и трусы прямо на кучу, в которую превратилась ее одежда.

А, все равно мокрое, хоть выжимай, хоть не выжимай.

Главное, если она заявится сейчас к тете Эмилии, та всыплет ей как следует. И мало того, что всыплет, еще возьмется принимать «профилактические меры», чтобы племянница не заболела! Маня эти самые «меры» знала — дышать над картошкой, парить ноги, горчичник между лопаток — и терпеть их не могла.

В «Асторию» теперь нельзя, конечно. Вон их с Волькой даже в такси не посадили!

В дверь постучали, и просунулась рука с какими-то пакетами.

— Марина, надевайте. Я взяла у соседей.

По соседству располагался магазин, где торговали в том числе и «дамскими радостями» — нижним бельем. Все удобное, изящное, тонкое, без лишних финтифлюшек — очень дорогое.

Маня вытащила из пакетов «верх» и «низ» — все село идеально, Светлана свое дело знала!

— В шкафу халат, — проинформировали из-за двери. — Я надеваю его после йоги. Он совершенно чистый. Можете взять.

Маня напялила халат — он, ясное дело, был тесноват в груди и короток, зато абсолютно сухой!

— Светлана, спасибо вам огромное! Вы меня просто спасли!

— Я послала в аптеку за пластырем и какой-нибудь мазью. Ужас, что у вас с ногой. И вам нужен кофе! Лучше бы водки, конечно, — тут управляющая задумалась, — но мы ее не держим, у нас только игристое, а оно сейчас некстати.

Маня засмеялась.

— Ну, пойдемте, пойдемте!

Сказать, что Мане было неловко, — ничего не сказать. Она не любила обременять собой людей и пользоваться их расположением и любезностью. Да и магазин на Невском проспекте, в самом центре Питера, не то место, где известная писательница Марина Покровская может торчать полуголой и полумокрой!

Нужно забрать собаку, что-то такое придумать с одеждой и отправляться восвояси.

Волька, завидев Маню, вскочил, с усилием поставил лапы ей на колени и брякнулся обратно в центр розового ковра с гулким звуком.

— Изнемог, — сказала про него Маня и неловко потерла руки. — Огромное вам спасибо, Светлана...

— Да что ж вы заладили-то, Марина! Присаживайтесь, пейте кофе, а мы пока подыщем вам одежду.

Она глазами смерила Маню в халате.

— Вы с прошлого раза похудели? Поправились?

— Я похудеть не могу, — пробормотала Маня, — я все только поправляюсь.

— Ой, да бросьте вы!

На улице было сумрачно, дождь лил, ветер ломал и вырывал зонты у прохожих, а здесь сияли люстры, пахло кофе, новыми вещами и розами — они благоухали на круглом столе.

Маня вздохнула.

...А ведь и правда! Сейчас она что-нибудь купит и отправится себе на такси в «Асторию» — тут рукой подать! — и вечер-люкс у нее не пропадет!

И к тете Эмилии возвращаться не придется!..

Если бы Маня Поливанова все-таки вернулась на Мойку, если бы милая управляющая приехала на работу на минуту раньше или на полминуты позже, если бы в роскошном итальянском магазине не нашлось ничего подходящего, жизнь повернула бы совсем в другую сторону.

Но Маня этого не знала.

Она одним глотком выпила кофе, зажмурилась от наслаждения, села в кресло и вытянула ноги в полном блаженстве. Хорошо бы только никто из покупателей не пришел!..

— Марина, хотите, подберем вам платье?

— Что вы, Светлана, я не ношу платьев!

— И очень напрасно! Так удобно — надел и больше ни о чем не думаешь.

Маня улыбнулась:

— Я не умею их носить.

Светлана фыркнула:

— Так научитесь же!.. Когда-то нужно начинать! А то вся жизнь пройдет, а вы так и не узнаете, как прекрасно носить платья!

— Это точно, — пробормотала Маня. — Но мне бы какие-нибудь штаны, футболку и... курточку джинсовую.

— Ясно, — согласилась Светлана и на расставленных руках показала Мане какую-то странную штуку — Примерьте пока вот это, а мы посмотрим брюки.

— А это что? — поинтересовалась Маня, косясь на дикую дичь в руках управляющей.

Та засмеялась:

— Это как раз платье!

...Фу ты ну ты! Да не ношу я платьев!

Впрочем, сейчас она никак не хозяйка положения и просто обязана подчиниться. Управляющая спасла ее от Всемирного потопа и еще продолжает спасать!

Маня зашла за тяжелую портьеру в примерочную — бультерьер моментально приподнял голову и навострил и без того острые уши, но с места не двинулся, ибо обессилел всерьез, — развязала халат и напялила дичь.

И посмотрела на себя в зеркало.

И еще раз посмотрела на себя в другое зеркало.

И опять посмотрела — во все зеркала по очереди.

Бестолковая тряпка, не имевшая никакого вида на вешалке, на Мане оказалась изумительным нарядом!.. Длинное, почти в пол, платье было неровно скроено из разных кусков на первый взгляд совершенно не подходящих друг другу тканей — здесь в клетку, там в цветочек, тут зеленое, а дальше розовое. Высоченную и здоровенную Маню вся эта разноцветная чехарда делала словно... легче, изящнее, свободнее.

Никаких недостатков, одни достоинства — высокая грудь, длинная шея, тонкие кисти рук, а остальное все закрыто, поди догадайся, какое оно, все остальное!

— Да-а, — проблеяла Маня завороженно. — Сильфида.